

лама фирмы "Nomads Tours @ Expeditions", были Хилари Клинтон, принцесса Диана, Далай-лама (именно в этом порядке они и перечисляются в рекламном проспекте – от жены бывшего американского президента – до главы буддистов всего мира), использовано имя Чингисхана – человека, во многих отношениях почти святого для монголов. А вот русских слов не использовано ни в одном из названий, что еще раз говорит об ориентированности современного рынка туристических услуг Монголии в первую очередь на европейского и американского потребителя.

Одной из важнейших причин выбора названия учреждения или товарного знака является также вера многих людей в то, что имя не просто набор случайных знаков, оно может повлиять на судьбу того, кто является его носителем, в том числе и в условиях жесткой рыночной конкуренции. Вряд ли кому-нибудь придет в голову назвать свою фирму «Титаником» – это равносильно тому, что ее назовут «Катастрофой» или «Разбитыми надеждами».

Чаще всего при выборе названия фирмы руководствуются тем, какие ассоциации способно оно вызвать в потенциальном клиенте, и ассоциации эти должны быть сугубо положительными. Видимо, поэтому в Монголии в 90-е гг. появилось предприятие общест-

венного питания «Мондональдс». Как передавал корреспондент «РИА-Новости», монгольская компания не только использовала всемирно известную букву «М», но даже название передала тем же желто-красным шрифтом, причем сервис и ассортимент продукции в «Мондональдсе» далеки от оригинала традиционной продукции «Макдональдса». Корпорация «Макдональдс» в 1995 г. получила от правительства Монголии гарантии о защите своего товарного знака на территории Монголии.

Таким образом, имена собственные живут и развиваются по своим особым законам, несколько отличающимся от общих законов развития языка, в силу своей большей, по сравнению с другими языковыми элементами, экстралингвистической наполненности. Состав уже существующей в языке онимической лексики быстро меняется – в топонимии это обычно новые ойконимы, названия улиц и других урбанонимов, в антропонимии – официальные именованья. Современный ономастикон быстро пополняется новыми именами и названиями, на рубеже XX-XXI вв. это особенно заметно в составе таких категорий, как названия учреждений и товарные знаки. Более того, достаточно легко возникают абсолютно новые категории имен собственных, такие как ники Интернет-сайтов.

М.З. Жамьянова

Научный центр монголоведных и алтаистических исследований
Калмыцкого государственного университета, г. Элиста

Категория времени в причастиях современного монгольского и турецкого языков

Статья посвящена проблеме выражения категории времени в одной из неличных форм глагола – причастиях в современном монгольском и турецком языках в сравнительном освещении. Многими исследователями причастия в современном монгольском языке классифицируются только по временному признаку. В данной статье поднимается вопрос: все ли причастия реально дают информацию о времени свершения действия и присуща ли категория времени всем причастиям в равной степени.

M.Z. Zhamjanova

Category of Time in Participles of Modern Mongolian and Turkish Languages

The article is about the category of time in the particles of the Mongolian and Turkish languages. In the traditional Mongolistics the classification of the Mongolian particles is connected with the category of time expressed by particles. But is it true that all particles have the sense of time and is the category of time in every particle of the Mongolian language – that are the questions this article is devoted to.

Понятие времени в речи само по себе относительно. Относительность представлений о пространстве и времени в мышлении людей определяет и относительность грамматической характеристики времени в разных языках. Своеобразие грамматической категории времени по отношению к категории времени в реальной действительности проявляется прежде всего в том, что во всех языках в грамматической категории времени установление временных границ между настоящим, прошедшим и будущим проводится через отношение к моменту речи, т.е. прошедшее время выделяется не просто как время, связанное с прошлым, а как время, прошлое по отношению к моменту речи, будущее не вообще время, которое еще будет, а будущее по отношению к моменту речи [Баранникова, с.224-225]. Другими словами, для определения времени действия, о котором идет речь, необходимо установить «точку отсчета» этого времени, т.е. установить момент речи, который определяет все остальные действия либо как произошедшие в прошлом, либо происходящие в настоящем для этого момента речи, либо как действие, которое произойдет в будущем. Кроме того, время действия даже в отношении к моменту речи имеет значение абсолютного настоящего, прошедшего и будущего времени, конкретного и относительного или релятивного времени.

Так, например, настоящее причастие на *-aa* современного монгольского языка имеет значение настоящего определенного времени, например, *яваа хүн* переводится как «идуший человек» (сейчас, в данный момент). В примере *Улаанбаатарт суугаа багш* «Учитель, живущий в Улан-Баторе» причастие *суугаа* «живущий» применено в настоящем абсолютном времени, т.е. действие, выраженное причастием, происходит сейчас, однако не в конкретно данный момент, когда говорящий непосредственно наблюдает за действием, но в настоящем расширенном времени. Несколько иное явление наблюдается в турецком языке, где причастие на *-(y)an/- (y)en* в роли определения имеет два временных значения *giden kişi* «идуший человек» (сейчас, в данный момент речи) или «ушедший человек» (уже прошедшее время). В данном случае без контекста не совсем ясно, о каком времени, даже в отношении момента речи, говорится – о настоящем или о прошедшем. Так же как и настоящее причастие монгольского языка, данное причастие турецкого языка может выражать процесс, происходя-

щий в настоящее время вообще, например: *Türkiye'de yaşayan öğrenci* «Ученик, проживающий в Турции».

В монгольском языке настоящее причастие при присоединении отрицательной частицы *-гүй* имеет значение еще не совершившегося, но ожидаемого действия, например *ирээгүй багш* «(еще) не пришедший учитель». В турецком языке причастие *-(y)an/- (y)en* в отрицательной форме имеет два значения: 1) еще не совершившееся действие; 2) действие, не происходящее в данный момент речи, например, *gitmeyen kişi* «(еще) не ушедший человек», «не идущий человек».

Причастие прошедшего времени на *-сан/-сэн* монгольского языка и причастие на *-mış/-miş, -muş/-müştü* турецкого языка выражают значение прошедшего действия, причем по времени это действие может быть свершено или совершено как в далеком прошлом, так и недавно, только что. Например, монг. *явсан хүн* «ушедший человек», тур. *gitmiş kişi* «ушедший человек». Однако здесь для примера из монгольского языка время произошедшего действия может быть неоднозначным в том плане, что *явсан хүн* может быть как «ушедшим человеком», так и «идушим человеком» в какой-либо определенный отрезок, но уже в прошлом. Другими словами, значение прошедшего времени действия сохраняется, оно абсолютно, но появляется еще и дополнительное значение – значение длительности произошедшего в прошлом действия. Например: *Тэр дуу гоёор дуулсан охин чинь өнөөдөр ирнэ* «Девушка, хорошо спевшая ту песню, придет сегодня», *Доржийг гархад тэр дуу дуулсан охин чи юм уу?* «Этот ты, девушка, певшая ту песню, когда вышел Дорж?».

Кроме основного значения прошедшего действия турецкое причастие на *-mış* выражает характерный, постоянный признак, связанный с процессом действия, определяющий его носителя, например, *okumuş adam* – «ученый человек», *pışmış balık* – «сваренная рыба».

В отрицательной форме данные причастия имеют значение несовершенного действия: монг. *ирсэнгүй хүн* = тур. *gelmemiş kişi* «не пришедший человек». В отличие от причастия настоящего времени в отрицательной форме монг. *ирээгүй* «не пришедший», как отмечалось выше, с подтекстом «все еще...», монг. *ирсэнгүй* имеет значение «вообще не пришедший», «и еще не пришедший».

Будущее причастие монгольского языка на *-х* и турецкого языка на *-(y)acak/-(y)ecek* имеет значение действия, которое достоверно совершится в абсолютном будущем – как для момента речи, так и вообще во времени, например: монг. *ирэх хүн* = тур. *gelecek adam* «человек, который придет».

Однако, как свидетельствует В.Д. Дамбинова, «...иногда значение будущего времени у причастия утрачивается, совсем исчезая или приближаясь к прошедшему или настоящему времени, а иногда совпадает с моментами речи при определенных контекстуальных условиях» [Дамбинова, с.8]. Например, монг. *өчигдөр ирэх Дулмаа чинь хаа юм?* «И где же Дулма, которая должна была придти вчера?»; тур. *geçen ay gönderesecek mektubum ne olmuştur?* «Что случилось с письмом, которое ты должен был отправить в прошлом месяце?». Здесь, как видно, к причастиям будущего времени прибавляется еще значение долженствования, некоторой обязательности – то, что должно было произойти, но не произошло. Время указанного монгольского причастия в данном случае относительное.

Аффиксы причастий указанных времен в «чистом» виде несут в себе информацию о времени свершения действия и только. Сопутствующие же модальные коннотации передаются контекстом и лексическим окружением.

Множественное причастие на *-даг* современного монгольского языка некоторые исследователи относят к множественным причастиям настоящего времени. По мнению Г.Д. Санжеева, «...данное причастие выражает ряд последовательных действий одного и того же действия, приписываемых предмету в качестве его свойств или обыкновений и совершающихся в течение одного и того же времени. Если же связка или вспомогательные глаголы при этом опускаются, то действие множественного причастия относится к расширенному настоящему времени или, при наличии обстоятельственных слов типа *халх. одоо* «теперь», окказионально к собственно настоящему времени. Поэтому данная глагольная форма называется также множественным причастием настоящего времени...» [Санжеев, с.206]. В действительности же, как показывают наши наблюдения, основным значением множественного причастия является не выражение времени, которое здесь, кстати, относительное, а видовая характеристика действия по кратности – постоянства, регулярности, повторяемости время от времени, а

значение непосредственно времени свершения действия придается ему вспомогательными глаголами, связками и т.д., например, *дуулдаг охин* «поющая девушка», *ордог цас* «выпадающий снег», «снег, имеющий обыкновение выпадать». Время тут относительное, время «вообще», «всегда». В примере *сургуульд ажилладаг хүн* «человек, работающий в школе» время действия является настоящим расширенным временем, однако причастие *ажилладаг* само по себе выражает лишь действие человека, которое исполняется им постоянно. Типологическим эквивалентом множественного причастия монгольского языка можно назвать причастие настоящего-будущего времени, представляющее собой утвердительную или отрицательную форму основы настоящего-будущего времени изъявительного наклонения и обозначающее постоянный признак лица, предмета и т.д. Например, тур. *yanar dağ* – вулкан (дословно: горящая/способная гореть гора); *cephelerdeki durumu gösterir harita* – карта, показывающая положение на фронтах (т.е. непригодное для других целей). *Unutulmaz günler* – незабываемые дни, *dayanılmaz bir acı* – нестерпимая боль, *sözünde durur bir adam* – человек слова (букв. остающийся в своем слове человек) [Дудина, с. 260]. Указанное причастие турецкого языка, являя собой форму настоящего-будущего расширенного времени, тем не менее, не несет в себе информацию о времени непосредственного свершения действия, оно относительно и также время «вообще», «всегда», т.к. основная смысловая нагрузка причастия в данной функции это выражение постоянного признака лица или предмета.

Другим причастием современного монгольского языка, выражающим характеристику действия по кратности, является однократное причастие на *-гч*. Например, монг. *мэдэгч хүн* «знающий человек». Однократное причастие выражает действие, обычное для предмета или лица, и совершается как единый процесс, не распадающийся на ряд действий [Санжеев, 1964, с.209]. В отношении времени свершения действия, выраженного однократным причастием, можно утверждать, что в отличие от монгольского множественного причастия на *-даг*, которое все же содержит в себе некоторую информацию в речи, однократное причастие, как и множественное, безотносительно ко времени. Оно относительно и расширенно: например, монг. *сонсогч* «слушающий», и нельзя отнести это действие к какому-либо определенному времени. В турец-

ком языке при помощи аффикса *-ici/ici* от глаголов образуются причастия, также обозначающие обычное действие для лица и предмета, например, тур. *yazici* «пишущий». Данное причастие не находит признания у некоторых исследователей турецкого языка, однако по своей функции и способности образовывать от глагольных основ формы со значением процессуальной характеристики лица или предмета этот аффикс вполне заслуживает включения его в состав причастных форм турецкого языка. Ср., монг. *удирдагч* «руководящий; руководитель», *сонсогч* «слушающий; слушатель», *бужиглэгч* «танцующий; танцор»; тур. *kazisci* «бегущий; бегун».

Постоянное причастие монгольского языка на *-aач/ээч* по своему значению в некотором отношении приближается к однократному причастию на *-гч*, однако в отличие от него обозначает действие, характерное предмету или лицу вообще, постоянно, например, монг. *зураач* «рисующий; художник», *судлаач* «исследующий; исследователь». Однократное причастие выражает действие, присущее предмету или лицу в течение короткого периода времени, т.е. монг. *зурагч* «рисующий» – имеется в виду человек, рисующий сейчас либо время от времени, а *зураач* – человек рисующий, и это рисование является постоянным для него занятием. Например, монг. *зурагч* можно перевести как «фотограф», а *зураач* «художник», или *судлагч* «исследующий», но *судлаач* «исследователь» (чего-либо вообще, всегда исследующий). Так как эти два монгольских причастия являются близкими по семантике, то в турецком языке аналогом этого причастия можно назвать вышеуказанные формы с аффиксами *-ici/ici*.

Причастие возможности на *-маар/мээр*, по определению Г.Д. Санжеева, характеризует объект или предмет такого действия будущего времени, совершение которого признается очевидным, вероятным, неизбежным, возможным, допустимым или необходимым [Санжеев, с.205]. Иными словами, причастие возможности на *-маар* современного монгольского языка выражает такое действие, свершение которого было бы желательно по отношению к предмету или лицу: *үзмээр кино* «кино, которое хотелось бы (можно было бы) посмотреть», *сонсмоор хөгжим* «музыка, которую хотелось бы (можно было бы) послушать». Несомненно, выражение желательности свершения действия подразумевает, что само действие будет совершено в будущем, однако сам аффикс *-маар* выражает

только лишь желательность, возможность, вероятность и т.д. свершения действия. Время действия здесь относительно, оно подразумевается, но не указывается прямо, непосредственно самим причастием. В турецком же языке причастия, аналогичного монгольскому языку, нет.

Причастия современного монгольского языка на *-хуйц*, *-м*, *-мгуй* имеют значение выражения такого действия, которое является возможным или невозможным для совершения, например, *харагдхуйц* «еле видный, еле виднеющийся», *боломгуй* «невозможный», *арай хурэм* «еле достигающий». Выражение времени не входит в функции данных причастий, они лишь характеризуют предмет. В турецком языке подобные значения передаются другими способами, нежели причастными формами. Следовательно, причастных форм, эквивалентных вышеуказанным причастиям современного монгольского языка, в турецком языке не наблюдается.

Таким образом, выражение категории времени в причастиях современного монгольского языка представляется неоднозначным. Время в «чистом» виде выражается лишь настоящим (*-аа/-ээ*), прошедшим (*-сан/-сэн*) и будущим причастиями (*-х*). Остальные причастия (*-даг/-дэг*; *-гчи*, *-аач/ээч*; *-маар/мээр*) несут в себе только частичную информацию о времени, в зависимости от лексического окружения и контекста, или (*-уйц*, *-м*, *-мгуй*) не имеют значения времени вообще, указывая на другие признаки.

По другому обстоит дело с турецкими причастиями, которые (кроме причастия на *-(y)an/-(y)en* и *-ici/ici*) представляют собой форму настоящего-будущего (*-ar/-er*), прошедшего-субъективного (*-miş/-miş/-muş/-mü*) и будущего времен (*-(y)acak/-(y)ecek*). Все причастия турецкого языка, кроме причастия на *-ici/ici*, выражают значение времени, которое так же, как и в монгольском языке, варьирует и может быть абсолютным, определенным или относительным.

Литература

1. Баранникова Л.И. Введение в языкознание. – Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1973.
2. Дамбинова В.Д. Причастие будущего времени в монгольских языках: дис. ... канд. филол. наук. – М., 1983.
3. Дудина Л.Д. Турецкий язык. Практический курс. – М., 2005.
4. Санжеев Г.Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. Глагол. – М., 1963.